

Кто-то напротив со смешком произнес:

— У тебя еще есть настроение пить чай? Посмотри на другую сторону, там уже почти чужое поле боя.

— Если хочешь покрасоваться, идти еще не поздно, — небрежно бросил Хо Юньци.

— Какое еще чужое? — перебил кто-то слова предыдущего оратора. — Это же его собственный человек, у Хо Эра. Странное дело, кстати. Я видел его в прошлый раз, как раз в том клубе у генерала Чена. Из-за какого-то неверного слова он устроил истерику, совершенно не умел читать обстановку, просто безмозглый.

Тот мужчина, казалось, озадачился еще сильнее и спросил Хо Юньци:

— Разве Гао Шэн раньше не говорил, что ты вышел из себя и скинул его в бассейн? Довести тебя до гнева — это надо постараться, но мне кажется, ты не то что не напугал его, а словно позволил ему храбрости набраться.

Если бы Ли Фэйфань знал имена остальных двоих, то понял бы, что одного из них зовут Чи Цзинь и он является давним приятелем Хо Юньци на протяжении многих лет. А мужчина, сказавший, что тот набрался храбрости — это третий по значимости персонаж книги, молчаливо оберегавший Шу Ицин, Чэн Юйнань. Однако вплоть до своей тоскливой кончины он так и не признался в том, что любит Шу Ицин, ведь они дружили с самого детства.

В этот момент за пределами беседки подошел Гао Шэн и прервал разговор.

Увидев его, Чэн Юйнань первым делом спросил:

— Человека устроили?

— Да, — Гао Шэн подошел за спину Хо Юньци, слегка наклонился и доложил: — Второй господин, родителям семьи Шу уже позвонили, а также предупредили школу за границей, где учится молодой господин Шу.

Хо Юньци хмыкнул и опустил чайник.

Чэн Юйнань посмотрел на Хо Юньци:

— И что ты собираешься делать? Пока оставишь Ицина пожить здесь?

— Отдохнет — и отправлю за границу.

— Ты все такой же безжалостный, как и прежде.

Хо Юньци, судя по всему, вовсе не горел желанием продолжать эту тему, взял чашку чая, откинулся на спинку дивана и бросил пару взглядов на противоположный берег озера.

— Это ты его научил? — спросил Хо Юньци, делая глоток.

Вопрос прозвучал без начала и конца, но, как ни странно, все до единого поняли, о ком идет речь.

Стоявший за спиной Гао Шэн заметил, что из-за одной фразы Хо Юньци все присутствующие уставились на него. Он сглотнул ком в горле и механически ответил:

— Нет.

— Он выдвигал какие-нибудь требования?

Гао Шэн покачал головой:

— Тоже нет.

Хо Юньци закинул правую ногу на колено левой, зажав между тонкими пальцами пустую чашку, и принялся крутить ее, погружившись в какие-то мысли.

— Пожалуй, он в чем-то даже подрос.

— Какие бы требования он ни выдвинул...

— Удовлетвори их.

Глава 4

На следующее утро Ли Фэйфань крепко спал, когда его насильно разбудили. Шаря в поисках телефона, он взглянул на время — не было и шести часов, — и в этот момент у него возникло ощущение, что весь мир трещит по швам. Он схватил одеяло, натянул его на голову и завыл:

— Сестрица Лань, вы знаете, до сколько я вчера пил? Я только лег, и трех часов не прошло, пощадите меня, умоляю.

— Второй господин вчера ночевал на стороне Хэньююань, — стягивая с него одеяло,

напомнила сестрица Лань.

Сестрица Лань в прошлом тоже прислуживала в главном особняке клана Хо. Ей было за сорок, и она оставалась единственной из всего персонала, кто продолжал заботиться о его быте здесь, в этом дворе, после того как полмесяца назад Хо Юньци с размаху скинул Ли Фэйфаня в пруд.

В Юйцзиньюань насчитывалось множество отдельных небольших садиков, и тот, где жил Ли Фэйфань, назывался сад Лунцуй.

Когда он тогда угодил в воду, не было еще и апреля, погода стояла прохладная, да к тому же прежний владелец тела, должно быть, здорово перепугался того парня Хо Юньци, поэтому, едва унаследовав этот организм, Ли Фэйфань слег с сильнейшим жаром.

В те дни, пока он отлеживался и попутно разбирался в окружающей обстановке, он действительно проникся тем, насколько развесисто древо этого клана Хо.

И дело было вовсе не в какой-то заурядной богатой семье — это был многовековой знатный род с колоссальным количеством строжайших правил.

Прежний владелец тела, судя по всему, совершенно не умел ладить с людьми, а учитывая его невысокое происхождение, мало кто в низах смотрел на него снисходительно. В книге было написано, что он сирота, с малых лет подобранный и выращенный старым собирателем мух, который скончался ровно за год до того, как Ли Фэйфань сошелся с Хо Юньци.

Ли Фэйфань и сам считал себя человеком, выросшим в обеспеченной семье: его родители вели собственный бизнес, а позже, связавшись с индустрией кино и телевидения, он повидал немало звезд первой величины. Но все же это была книга, и многое здесь нельзя было мерять мерками реальной жизни.

К счастью, это место являлось частным владением Хо Юньци, и в будни ему не доводилось сталкиваться с другими членами клана Хо.

Сестрица Лань была немногословна, любила носить старинные серые ципао, объясняя это тем, что привыкла так одеваться еще во времена службы при старой госпоже Хо.

Старая госпожа приходилась бабушкой Хо Юньци и скончалась уже несколько лет назад. Именно поэтому сестрица Лань сама попросила о переводе сюда, мотивируя это тем, что здесь царит покой и умиротворение.

Поскольку она прислуживала старой госпоже, в Юйцзиньюань, помимо управляющего дяди Фу, ее слово имело наибольший вес.

Ли Фэйфань прямо не высказывался, но чувствовал, что сестрица Лань в каком-то смысле

напоминает ему родную мать: внешне мягкая и нежная, на деле она обладала весьма твердым характером. Однако, будучи связанной феодальными представлениями о субординации, царившими в клане Хо, несмотря на то что все кругом называли его не иначе как ручной игрушкой Хо Юньци, с самого переселения Ли Фэйфаня сюда она заботилась о нем с мельчайшими подробностями.

За полмесяца они с ней довольно сильно сблизились, и в ее присутствии Ли Фэйфань позволял себе все большую распущенность.

Он вцепился в одеяло, не позволяя утащить его прочь, и спросонья, поддавшись накатившему раздражению, недовольно буркнул:

— Да хоть где пусть спит этот ваш Хо Юньци, хоть на камнях ночует — это его собственный сад, мне-то какое дело!

— Вставайте, — сестрица Лань легко шлепнула по его одеялу. — Обычно я позволяю вам капризничать, тем более что в этом дворе, кроме вас, никто не живет. Но раз уж Второй господин ночует здесь, на кухне к половине седьмого уже должен быть накрыт стол.

Из-под одеяла торчали лишь несколько взъерошенных прядей волос Ли Фэйфаня, и он проворчал утробным голосом:

— Я не буду есть.

— Хочешь не хочешь, а вставать придется.

Ли Фэйфань взвыл, завернулся в одеяло и сел.

Он яростно нахмурился:

— Он что, какой-то дед-психопат? Какой нормальный человек станет вставать и завтракать в полседьмого утра!

— Таковы порядки клана Хо, и таковы правила, — сестрица Лань привычным движением распахнула платяной шкаф, собирая галстуки и рубашки, которые он вчера раскидал по полу, и аккуратно складывая их на ходу. — Все члены главного клана придерживаются этого расписания. Правда, после смерти старого хозяина и старой госпожи жестких требований не стало, но для Второго господина это привычка с детства, он человек исключительно дисциплинированный. Если он ночует здесь, а ты не встаешь — на что это будет похоже?

Волосы Ли Фэйфаня были растрепаны, а уголки глаз покраснели от недосыпа — в таком виде он совсем не походил на того человека с банкета.

И хотя мысленно он уже распекал его предков на все лады, Ли Фэйфань прекрасно понимал, что сестрица Лань и остальные понятия не имеют о заключенном между ним и Хо Юньци соглашении — даже если прежний хозяин тела нарушил его пункты и в конце концов ступил на путь без возврата. В их глазах он был человеком Хо Юньци в самом прямом, постельном смысле этого слова.

<http://bllate.org/book/26528/3175603>